

Славянские древности 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999.

Српски митолошки речник 1970 — Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970.

Сумцов 1881 — Сумцов И. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.

Тројановић 1983 — Тројановић С. Главни српски жртвени обичаји. Старинска српска јела и пића. Београд, 1983.

Українці 1991 — Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.

Шейн 1902 — Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3.

Bartoš 1892 — Bartoš F. Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, 1892.

Bednárík 1943 — Bednárík R. Duchovná kultúra slovenského ľudu // Slovenská vlastiveda. II diel. Bratislava, 1943.

Český lid 1892 — Český lid. Praha, 1892.

Encyklopédia ľudovy kultúry 1995 — Encyklopédia ľudovy kultúry Slovenska. Bratislava, 1995. Т. 1, 2.

Frolec 1988 — Frolec V. Vánoce v tradici českého lidu // Vánoce v české kultúře. V. Frolec a kol. Vyšehrad, 1988. S. 13—124.

Gloger 1978 — Gloger Z. Obrzędy, zwyczajе i wierzenia ludowe na ziemiach nad Narwią i Biebrzą // Zygmunt Gloger — badacz przeszłości ziemi ojczystej. Warszawa, 1978.

Horváthová 1981 — Horváthová E. Zvyky a obrady slnovratového cyklu v Honte // Slovenský národopis, 1981. № 2—3. S. 318—347.

Horváthová 1986 — Horváthová E. Rok vo zvykoch našho ľudu. Bratislava, 1986.

Kolberg — Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań. 1962. Т. 16.

Slić 1846 — Slić Z. Narodni slavonski običaji. Zagreb, 1846.

Słownik stereotypów i symboli 1996 — Słownik stereotypów i symboli ludowych // Red. J. Bartmiński. Lublin, 1996. Т. 1.

Václavík 1930 — Václavík A. Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hani. Luhačovice, 1930.

Václavík 1959 — Václavík A. Výroční obyčeje a lidové umění. Praha, 1959.

Vančík 1969 — Vančík F. Kalendářní obyčeje z Jihočeského Soběnová (Terenní výskum z let 1962—1963). Praha, 1969.

Сокращения

КА — Архив Каргопольской этнолингвистической экспедиции РГГУ.

ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.

Arch. EAS — Archiv Etnografického Atlasu Slovenska. Bratislava.

А. Б. МОРОЗ
(Москва)

СТОЛ В СЕВЕРНОРУССКИХ ПОВЕРЬЯХ И ОБРЯДАХ

Стол является одним из наиболее значимых элементов предметного кода традиционной культуры. Его значимость определяется не только тем обстоятельством, что за ним по крайней мере трижды в день вкушается пища, но и целым рядом других причин: стол — место общения семьи с умершими родственниками, своего рода посредник между миром живых и мертвых. Стол — центр дома, пространства, освоенного человеком, обжитого им. Кроме того, на сакральный статус этого предмета влияет его обычное место под иконами.

В научной литературе семантике стола не уделялось особого внимания. Среди работ, затрагивающих символику и мифологию стола, могут быть названы исследования, где стол рассматривается в контексте пространства дома [Байбурин 1983], а также работы, в которых говорится о столе в связи с застольем [Байбурин, Топорков 1990; Страхов 1991]. Между тем проблематика, связанная со столом, существенно шире. В настоящей статье мы попытаемся выявить семантику стола и различные аспекты его «почитания» на материале одной локальной традиции.

Фольклорный архив Российского государственного гуманитарного университета содержит материалы из небольшого региона — Каргопольского р-на Архангельской обл., обследованного систематически и достаточно детально в течение 6 лет (1993—1999). Данные показывают, что культура традиционного застолья в значительной степени уже утрачена и сохранилась лишь в воспоминаниях и отдельных фрагментах (ритуальных запретах, вербальных формулах). Однако отношение к столу, его место в структуре внутреннего пространства дома и обрядовой культуре по-прежнему характеризуют этот предмет как сакральный.

Последнее заметно даже в бытовом отношении к столу (следует иметь в виду, что собственно столом в традиционной культуре считается не любой стол, а только тот, за которым происходит вкушение пищи — кухонный же, разделочный стол таковым не считается, на что указывает отсутствие ка-

ких бы то ни было верований и обрядов, с ними связанных). Не раз нам случалось слышать не спровоцированные вопросом собирателя высказывания о том, что сейчас стол неправильно содержат: раньше-то вот скатерти были, без скатерти за стол никто не садился, а сейчас клеенками покрывают. Примечательно, что стол, покрытый клеенкой, не воспринимается как покрытый. Если скатерть принято было стелить на стол только во время еды, а между приемами пищи он стоял непокрытый, то клеенка лежит на столе постоянно, то есть представляет собой как бы поверхность самого стола. При этом клеенкой покрывается и кухонный стол. Столы по-прежнему стоят в домах в *большом углу*, даже если там нет икон; на стол стараются не класть лишних предметов и проч. Существенно более активны верования и обряды, не относящиеся к застолью, прежде всего связанные с хозяйственной деятельностью.

Весьма опрометчивым при этом представляется утверждение А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова о том, что «у русских, украинцев и белорусов ритуальные функции очага как бы перераспределялись между печью и столом, причем печь перетянула к себе в основном поверья и обрядовые действия, имеющие языческие корни, а стол верования христианского характера» [Байбурин, Топорков 1990, 135]. В связи со столом мы наблюдаем множество обрядов и верований, не выражающих «христианского характера», не говоря уже о том, что едва ли такое разграничение в принципе возможно в культуре, где уже более тысячелетия языческие и христианские обряды и верования сосуществуют и взаимодействуют, слиты воедино.

Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении материалы, можно выделить несколько аспектов «культы» стола в народной культуре. Само устройство и облик стола определяют его обрядовые функции — он *твердо* стоит на четырех ногах, напоминающая животное. С этим связан обряд установления первотелки после отела, чтобы она не брыкалась при дойке: «*Скотинку останавливали, отелитсе коровушка молодая. А я... у стола ноги омою, пойду доить, да коровушку вымою этой водоцькой: "Как сто-*

лик у меня стоит плотно и крепко, так, коровушка, ты стой плотно и крепко. Не шати, ножкой не топчи и хвостиком не хвошчи". До трёх раз скажу, кругом обойду... У стола ножки вымой с приговором, да этой водоцькой ей помой, а остальное вылей в ведро, пусть выльёт» (Зап. в 1994 г. в с. Тихманьга от А.С. Поляковой, 1910 г.р. [КА]). Здесь явно присутствует параллель «ноги стола — ноги коровы», которыми она не должна *топтать*. Вероятно, помимо внешнего сходства здесь имеет значение и народно-этимологическое сближение слов *стол* и *стоять*. По тому же принципу наряду со столом в обряде и заговоре могут фигурировать дом, двор, воротный столб, воткнутые в землю вилы: «*Как вилы стоят, так и коровушка стой»* (Зап. в 1998 г. в с. Малая Шалга от В.С. Бизюковой, 1924 г.р. [КА]).

Ялясь местом, где собирается вся семья вместе, стол выражает идею полноты, целостности семьи, рода и — шире — круга близких людей.

Та же мотивировка (ноги стола — ноги скотины) может быть усмотрена в обряде связывания ножек стола в случае, если скотина терялась, — таким образом она лишалась возможности уйти еще дальше. Вместе с тем, в наших материалах встречаем упоминания о совершении того же обряда, но с другой целью: ножки у стола обвязывают, чтобы найти заблудившегося человека, пропавшую вещь и, наконец, так поступали девушки, желая ускорить приход парней на посиделки, если те задерживались: «*Это так на бесиде (на Святки. — А.М.) девки связывали (ножки у стола. — А.М.). Робятков долго из другой-то деревни нету, там балалайки нету либо гитары мало было, а там балалайка либо гармонья»* (Зап. в 1997 г. в с. Нокола от М.С. Османовой, 1926 г.р. [КА]). Отсутствующий или ожидаемый человек, животное, утраченная вещь как бы привязывались к столу и, соответственно, к дому, хозяйству.

Стол связан с домом и семьей (родом), в нем живущей. Ялясь местом, где собирается вся семья вместе, стол выражает идею полноты, целостности семьи, рода и — шире — круга близких людей. Неполнота состава обитателей дома выражается через неустойчивость стола: после выноса покойника, стол (или лавки), на котором стоял гроб, переворачивают вверх ногами. То же делается с целью найти пропавшего, заблудив-

шегося человека или животное: «*Нынь стол от перевернем да стулья там перевернем все, чтобы вернулса обратно домой, и вёртываеца человек обратно домой*» (Зап. в 1999 г. в с. Ловзаньга от А.Ф. Черепановой, 1921 г.р. [КА]). В случае, если гости долго не идут, следует шевелить стол: «*Когда гостей ждудт, а гости не идудт долго, задерживаюца где-нить, говорят: "Давай столом пошатаем". Штоб поспешили гости*» (Зап. в 1999 г. в с. Ошевенск от В.М. Боголепова, 1956 г.р. [КА]) (следует иметь в виду, что гость понимается традиционной культурой как «лицо, соединяющее сферы "своего" и "чужого", объект сакрализации и почитания, представитель "ино-го" мира» [Агапкина, Невская 1995, 531], связанный с предками-покровителями).

По этой же причине приглашение к столу ожидаемого или случайно пришедшего гостя было обязательным, и любое вкушение пищи в известном смысле может

быть рассмотрено и как кормление умерших, общение с ними, своего рода жертва, аналогичная той, которая совершается во время поминальной трапезы (ср. этимологическое тождество совр. разг. *жрать* и церковнослав. *жрѣти*). Отсюда многочисленные запреты, регламентирующие поведение за столом: не свистеть, не смеяться, не разговаривать, не стучать по столу, не ставить на него локти (иначе на том свете по рукам в тебя заползут змеи) и проч. Переворачивание стола или его шевеление может означать неготовность к застолью, неполноту (ср. адресованный выходящему из-за стола до окончания трапезы запрет: «*Не ломай стола!*»).

В свете сказанного особое значение приобретает порядок сидения за столом во время трапезы. Теперь он уже не соблюдается, но информанты вспоминают, что некогда он строго соблюдался: в большом углу, под иконами, сидел *большак*, хозяин, рядом с ним сыновья, дальше — снохи и дети, а на противоположном по отношению к тому, где сидит хозяин, конце, ближе к печи или кухне, сидела *большуха* (иногда, впрочем, отмечается, что она вовсе не сидела за столом, а только подавала).

Человек, сидящий во главе стола, в большом углу, во время трапезы воспринимается как главный, именно он распоряжается ходом застолья, и то обстоятельство, что он занимает место предка, делает его авторитет непререкаемым.

Примечательно, что обычное место хозяина за столом понимается и как место предка: в Рязанской и Саратовской губ. в поминальный день из родственников умершего выбирается представляющий его человек. Он «одевается в белый саван, голову покрывает белым колпаком, садится в передний угол избы, за стол, и, как мертвец, не говорит ни слова, глаза держит опущенными вниз и не шевелится» [Половцев 1864, 210]¹. Старший мужчина в семье таким образом находится в положении посредника между умершими и живыми родственниками и может выступать в роли предка-покровителя (ср. обряд перехода в новый дом,

когда первым также входит старший мужчина в доме, что часто мотивируется скорой смертью первого вошедшего).

Человек, сидящий во главе стола, в большом углу, во время трапезы воспринимается как главный, именно он распоряжается ходом застолья, и то обстоятельство,

что он занимает место предка, делает его авторитет непререкаемым. Именно он первым начинал есть: «Кто первый есть начал? — *А... хозяин.* — Все ждали, пока он не начнет? — *Иногда вот там цё-нибудть, дак ложской колонёт: нацинайти есь — вот это бываёт*» (Зап. в 1999 г. в пос. Льнозавод от Е.П. Шабуниной, 1915 г.р. [КА]). «Можно ли выходить из-за стола во время еды? — *Нет, если сел йись, значит и кушай до конца, пока тебе... тутю-ка все сидят. А выходит первый дед, хозяин, с угла.* — Как называлось, когда кто-либо выходил из-за стола во время еды? — *Ты што стол изломал! Сиди на месте!*» (Зап. в 1998 г. в с. Рягово от У.А. Завариной, 1919 г.р. [КА]). В некотором смысле сакральный статус придает *большаку* и положение под иконами. По некоторым данным, хозяин занимал не собственно место предка, а лишь сидел рядом с ним, оставляя его место свободным: «Следили, чтобы хозяин сидел не в самом углу под иконами, а немного отодвинувшись, как бы оставляя место для Бога, по пословице — "на куте сядит альбо поп, альбо дурак"»

¹ О большом углу как месте поминания покойника см. также [Барсов 1997, 249].

[Байбурин, Топорков 1990, 138] (то же в записях из Каргополья: «*Попы да дураки, говоря, только сидят на углу-ту*» (Зап. в 1999 г. в с. Ошевенск от А.А. Третьяковой, 1923 г.р. [КА])).

Так же строго определялось и место самого стола в доме: «*Что вот стол должен стоять, и у него своё определённое место должно быть. Вот если он стоит вот так, так его и не шевели, пусть он так и стоит. Не поворачивай. — Почему? — Вот тоже, видимо, это всё к деньгам сводится. Это мне говорила моя тётя. Что уж у тебя как стол стоит, дак ты его и не поворачивай. Вот так и пусть стоит, на одном месте*» (Зап. в 1999 г. в пос. Льнозавод от Г.А. Подрезовой, 1937 г.р. [КА])).

Будучи связанным с предками, стол воплощает идею рода, семьи, живущей в доме. Именно за столом семья собиралась полным составом, при этом опоздавшего без серьёзной причины за стол не пускали и оставляли голодным до следующей трапезы, отсутствующего же по уважительной причине обычно ждали.

Обход вокруг стола знаменует прибавление в семье: широко известно всем славянам, что для облегчения родов роженицу следует трижды обвести вокруг стола. В наших материалах регулярно встречается запрет выходить из-за стола, обходя вокруг него: «*Если выходишь из-за стола не там, где сиделся, а вокруг него? — Уй, ребят-то у тебя сколько будет! <...> Што вот за весь стол садяца — вот сколько будет детей*» (Зап. в 1999 г. в с. Саунино от Е.А. Герасимовой, 1931 г.р. [КА])). Эта же связь стола и семьи видна в многочисленных проводных ритуалах: покойник прощается со столом (когда выносят гроб, им прикасаются к столу), рекрут (и новобранец в наше время) должен оставить на столе, как бы забыв ее, шапку, а затем вернуться и забрать ее:

— *Выводили <рекрута>. Сначала выйдут все провожающие, потом ево ведут двое, ведут спиной. Спиной, сами вот вперёд, а он, рекрут, спиной.*

— *Оставляют шапку.*

— *Шапку оставляют в доме. Ево шапку, а потом он придёт, как будто шапку забыл, побежит обратно за шапкой. Сам. Ево вывели, потом он за шапкой побежит. С шапкой идёт уже нормально.*

— *Где шапку оставляют?*

— *Да где, наверно на столе, или где тут положим, договорённость, куда.*

(Зап. в 1997 г. в с. Нокола от Е.А. Капустиной, 1930 г.р., и А.А. Капустина, 1931 г.р. [КА])).

Отправляющийся в дальнюю дорогу должен предварительно поесть и выйти из дома непосредственно из-за стола (вероятно, этим объясняется широко распространённый обычай сидеть перед началом пути). «По традиционным представлениям, дорога — мир небытия, где обычай не действует. <...> Выйдя в путь, человек оказывается вне социума, ускользая из зоны досягаемости привычных рычагов воздействия, таких, как наказание, возмездие, давление общественного мнения, престиж, одобрение и проч. В дороге он одинок и потому свободен: вне социума и вне норм» [Щепанская 1992, 104]. Однако, стремясь вернуться в привычную обстановку, домой, путник берёт с собой «частицу» дома (то же — в обычае брать в дорогу горсть родной земли, ложку, монету и др. «культурные» предметы из дома). «Символика стола у восточных славян сложным образом соотносена с идеей пути — одной из основополагающих идей всей человеческой культуры. Стол как сакральный центр жилища является и начальной, и конечной точкой любого пути и сам в свернутом виде как бы содержит его идею. Характерны белорусские обычаи: "Отправляющийся в дорогу... целует домашний стол: если предстоит дальний путь, он целует середину стола, близкий — один или оба угла его, приходящиеся на избу. То же целование стола делается и по возвращении с пути"» [Байбурин, Топорков 1990, 136].

Связанный с родом, семьей, живущей в доме, стол является квинтэссенцией идеи дома (загадка «*Четыре брата под одной крышей*» (Зап. в 1997 г. в с. Нокола от Е.А. Капустиной, 1930 г.р. [КА])). Стол — один из первых предметов, вносимых в дом наряду с иконой и квашней. В гадании о будущей жизни в новом доме стол символизирует благополучие: в новый дом вносили петуха, «*если петух на печь залетит — в пещели будешь жить, худо, на стол нать это всегда хорошо*» (Зап. в 1993 г. в с. Калитинка от Е.И. Тугуновой, 1930 г.р. [КА])).

Сакральный статус стола усиливается его положением под иконами, что связыва-

ет его в традиционном восприятии с Господним или Богородичным престолом: «*Стол есть престол*» (Зап. в 1998 г. в с. Лекшма от В.А. Поповой, 1923 г.р. [КА]); «Не говорили, что когда женщина ругается, Богородица с трона падает? — *О, со стола, говорит, мама у нас ведь говорит: изматюгалась, так ведь Богородица пошевелилась со ст... с трона* (выделено мною. — А.М.)» (Зап. в 1996 г. в с. Бор (Боросвидь) от А.Е. Кропачевой, 1932 г.р. [КА]). «*Стол — ладонь Христова*» [Богатырев 1916, 40], «*Божья благодать*» [СРНГ, 63 (вологод.)], «*лицо Богородицы*» (Зап. в 1998 г. в с. Труфаново от А.Е. Смышляевой, 1936 г.р. [КА]) и т.д. Возможно, на такое восприятие оказали влияние этимологическое родство лексем *стол* и *престол*, иконография Христа или Богородицы на престоле, который часто напоминает стол, а также то, что, согласно преданию, образ Владимирской Божьей матери был написан евангелистом Лукой на столешнице [Снеессорева 1999, 157].

Благодаря этим свойствам стол может выступать как ритуальный предмет-посредник в общении человека с «иным» миром. Так, в севернорусской традиции, где пастух считается колдуном, связанным с лешим, запрещается давать ему что-либо из рук в руки. Угощение, приготовленное для него хозяйками животных, кладется на землю (если передача осуществляется *на поскотине*) или на стол (если это делается в доме). После этого пастух забирает дары. Для поисков заблудившегося в лесу человека или животного ходили к знахарям, которые давали заговоры. Одна из наших информанток рассказывала, как знахарка дала заговор, написанный на листе бумаги: «*Дак на столе оставили, на столе, и спать ушли. Утром встали — бумажки нет, и через сутки он vyšёл в заруцевьё. Сам vyšёл*» (Зап. в 1998 г. в с. Казаково от В.И. Крюковой, 1947 г.р. [КА]). Множество святочных гаданий также производятся на столе или под столом.

Пространство под столом обладает особой семантикой, отличной от семантики самого стола. Существует ряд запретов и поверий касательно этого локуса. Так, детям не разрешалось залезать туда, и, наоборот, в качестве наказания проигравшему в какой-либо игре предлагалось залезть под стол. Последнее представляется как изменение привычного облика и превращение в

«чужое» существо (обычно залезающему под стол предписывается кукарекать, лаять и т.п.). Соль, рассыпанная под столом, или хлеб, лежащий там, воспринимается как порча, а кусок, нечаянно упавший со стола, — отданным бесу. Само по себе вкушение пищи таким образом, как это предусмотрено традиционной культурой (о поведении за столом см. выше), должно отличать человека от нечеловека, беса. Этим объясняются запреты на «бесовское» поведение за столом (крики, свист, стук)² и формула приглашения за стол («*Идите за стол, все крещёные!*») [КА, повсеместно], которая, очевидно, должна пониматься как способ защиты от нежелательного присутствия за трапезой нечистой силы, поскольку до первой трети XX в. крещеными были все. Однако в ритуальных целях пространство под столом может быть использовано. «*На Великой Цетверк, до Вербново было заведено у нас, у всех ли — нет, а баушка делала: рано утром, куры были в курятниках в доме — выпускала под стол, клала зерно и их кормила под столом. В доме. И вот <мы> спрашивали: "Зацем кормите?"*. <Бабушка объясняла:> "А штобы дома неслись, в люди не ходили"» (Зап. в 1996 г. в с. Евсино от Е.А. Березиной, 1937 г.р. [КА]). Примерно той же семантикой обладает распространенный у поляков, чехов, словенцев обычай класть под стол ребенка по возвращении из церкви после крещения. Это делается, чтобы ребенок был послушным (чешск.), долго ел хлеб с этого стола, то есть долго жил в этом доме (словенск.) [Bystroń 1916, 97—98]. В таких случаях «подстольное» пространство понимается не как «потустороннее», а как «свое», внутреннее пространство дома.

Ту же семантику можно увидеть в обычае обхватывать ногами ножку стола в качестве оберега от сглаза. Это делает человек, находясь в чужом доме (Зап. в 1999 г. в пос. Льнозавод от Е.П. Шабуниной, 1915 г.р.

²Ср.: «Итак, существовало два типа поведения: одно, условно говоря, царское или божественное, характеризовалось сдержанной пластикой движений, торжественностью поз и полустертой мимикой, медленным, величавым передвижением, смиренностью, статичностью; другой тип — бесовское поведение, характерными признаками которого считались смех, дерганье, кривлянье, сквернословие и т.п.» [Байбури, Топорков 1990, 68].

[КА]), при этом он захватывает часть чужого пространства (ср. широко распространенный обычай во время сватовства сидеть вдоль половиц, расставив ноги так, чтобы между ними оказалось как можно больше досок пола (вар. — две), чтобы сватовство оказалось удачным [КА, повсеместно]). Идею «захвата чужого пространства» через «захват» стола можно увидеть и в некоторых свадебных обрядах славян. В Витебской губ. после брачной ночи невеста «на образа <...> вешает рушники, а стол покрывает своей (выделено мною. — А.М.) скатертью» [Шейн 1890, 9].

Во время трапезы стол должен быть покрыт скатертью, застолье не мыслится без скатерти. Возможно, в этом поверье выражена релевантная для традиционной культуры оппозиция *голый / одетый (прикрытый)*, коррелирующая с оппозицией *пустой / полный* или *бедный / богатый* (ср. предписание передавать деньги не голой рукой, а в рукавице или из полы в полу, а также запрет вытирать со стола голой рукой — иначе в доме голо будет, «*худо будёш жить, бедно будёш жить*» (Зап. в 1999 г. в с. Саунино от Е.А. Герасимовой, 1931 г.р. [КА])³). Вместе с тем скатерть создает дистанцию между столом (сакральным предметом) и человеком, помогает избежать непосредственного соприкосновения в процессе еды. В противоположность живым, покойникам, незримо присутствующим за столом во время поминовения, клали столовый прибор под скатерть [Барсов 1997, 249].

«Идеальная» трапеза мыслится как объединяющая за столом не только весь род, включая предков, но и всех живых, общину, мир (ср. цитированное приглашение к столу «*Идите за стол, все (здесь и далее выделено мною. — А.М.) крещеные!*», а также «*Садитесь, вся честь на столе!*» (Зап. в 1999 г. в с. Ошевенск [КА])). Идея всеобщего соучастия в трапезе отражена в способе лечения сглаза, когда омывают все углы стола (последние соотносятся с углами дома и сторонами света), а затем этой водой моют больного (то же — с омовением столовых приборов или скобы (ручки входной двери)). Механизм действия этих способов лечения проясняется словами со-

ответствующего заговора: «*От людей пришло — к людям поди...*». Таким образом, стол воплощает единство социума, будь то семья или даже человеческое общество в целом. Поэтому стол может быть рассматриваем не только как «сакральный центр дома», но и как своего рода модель мира.

Литература

Агапкина, Невская 1995 — Агапкина Т.А., Невская Л.Г. Гость // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995.

Байбурин 1983 — Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Байбурин, Топорков 1990 — Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л., 1990.

Барсов 1997 — Барсов Е.В. Погребальные обычаи на севере России // Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 1. СПб., 1997. С. 245—252.

Богатырев 1916 — Богатырев П.Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда (Архангельской губернии) // Этнографическое обозрение. М., 1916. № 3—4.

Половцев 1864 — Половцев С. Местные народные обычаи // Мирской вестник. 1864. Кн. 5.

Снессорева 1999 — Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон, чтимых православной Церковью на основании Священного Писания и церковных преданий, с изображениями в тексте праздников и икон Божией Матери / Сост. С. Снессорева. Ярославль, 1999.

Страхов 1991 — Страхов А.Б. Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. München, 1991.

Шейн 1890 — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1890.

Щепанская 1992 — Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102—126.

Bystroń 1916 — J. Bystroń. Słowiańskie obrzędy rodzinne. Obrzędy związane z narodzeniem dziecka. Kraków, 1916.

Сокращения

КА — Архив Каргопольской этнолингвистической экспедиции РГГУ.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 3. Л., 1968.

³ По аналогии запрещается вытирать со стола бумагой: шум (ссора) будет.